

Владимир СОФИЕНКО
г. Петрозаводск

«Молоко, кумыс, творог, сметана-а!» — Мэхом отражалось в окнах многоэтажек. В перерывах, где-то между «сметана-а» и «молоко», размеренно стонало колесо несмазанной тележки. Воскресное утро было испоганено. Внутри меня все кипело. Я открыл глаза: на подоконнике в проржавевшей банке из-под венгерского горошка «Глобус» торчал чахлый стебелёк хозяйской герани. «Не жалко», — подумал я и подскочил к окну с полным осознанием дела и решимостью, которыми, видимо, в свое время был преисполнен герой романа Достоевского «Преступление и наказание». Причины на то имелись. На востоке время бежит по-особому. Стремительный ритм мегаполиса, срывающий с теплой постели, крутит тебя с раннего утра до позднего вечера, и единственный шанс хоть как-то выспаться может выпасть только на воскресный день. И в этот день откуда-то с гор спускаются молочницы. Раньше их в Алма-Ате не было. Распался Советский Союз, Алма-Ата превратилась в Алматы, рубли сменили тенге, а на следующий же день после распада могучей империи в город со всех сторон потянули свои тележки — читай в отдаленном прошлом детские коляски — потомки Тамерлана, Чингизхана и Батыея. Для русского человека выглядят все они примерно одинаково: усталое скуластое лицо, почерневшее, обветренное, покрытое морщинами, раскосые глаза, голова повязана ярким платком с обязательной золотой вышивкой, поверх светлой блузки — цветастый жакет с кармашками, а из-под длинной кримпленовой юбки неопределённого цвета, скрывающей кривые кавалеристские ноги, виднеются черные хромовые сапоги.

Я выглянул из окна своей съёмной комнатки на седьмом этаже. Над крышей стоящей напротив девятиэтажки в лучах теплого весеннего солнца сверкали ледовыми шапками вершины Заилийского Алатау — одного из красивейших урочищ высокого пути Тянь-Шаня. Внизу, в пустынном утреннем двореке со сломанными качелями и сгнившими пеньками, оставшимися от скамеек, в песочнице радостно рылся чей-то пес. Мимо коробок домов, заглядывающих в глаза друг другу занавешенными сонными окнами, переваливаясь с

ЗАПАХ ЧЕРЕМШИ

рассказ

ноги на ногу, будто старая утка, катила впереди себя тележку с бидонами апа¹.

«Молоко, кумы-ы-ы...» — заезженной пластинкой доносилось снизу.

В это время в доме напротив скрипнула балконная дверь. Из нее выскочил мужик в синих семейных трусах и таких же наколках.

«Пошла на хрен!» — зычно прорычал он, выражая, как мне показалось, настроение большинства жильцов нашего двора.

Апа смолкла, и лишь по торопливому скрипу колеса можно было судить о темпе, набранном ее хозяйкой. Отлегло. Я с благодарностью посмотрел на уже опустевший балкон, с которого только что незнакомец в синем мне подарил прекрасное расположение духа, избавив от мучительных метаний Раскольников. «Надо бы полить цветков», — подумал я, сладко потянулся и направился в ванную комнату.

Уснуть мне все равно теперь не удастся, так что лучше заняться делом. Сегодня ко мне должны приехать мои друзья из Новокузнецка — два Юрка и Димарь. К их приезду я решил приготовить экзотическое для россиянина блюдо — бешбармак. Свежая баранина, заблаговременно приобретенная мной на рынке накануне вечером, лежала в холодильнике и ждала своего часа.

С Юрками и Димкой мы познакомились не так давно на квартире у одного моего приятеля и, как это водится у родственных душ, сразу подружились. Раз или два в месяц на «Ниссане» они приезжали в Алматы по своим коммерческим делам и останавливались у меня на день-другой.

В хлопотах день прошел незаметно. Шел восьмой час вечера, когда ко мне в дверь постучали. На пороге стояли оба Юрана.

— Здорово, Володке! Что у тебя звонок не работает? — без обиняков набросились они на меня.

— Привет, хлопцы! — поздоровался я, высвобождая свою руку из крепких тисков старшего Юры. — Проводка повреждена. А где Димка? — поинтересовался я, заглядывая через плечо Юрки-младшего. — Обещал ведь тоже приехать.

— Да здесь он, здесь, — пробасил Юрий Иванович. — Мы его в лавку отправили.

— Обижаешь, — протянул я, — с самого утра в морозилке остывает, вас дожидается.

— А мы чтобы два раза не бегать, — отшутился Юрок-младший.

Друзья ввалились в квартиру и, наскоро помыв руки, отправились со мной в кухню. На столе (я подгадал время!) нас уже поджидало большое круглое блюдо, доверху наполненное отваренными в мясном бульоне лепешками, сверху них дымились куски баранины. Тут же в пиалах стояла шурпа с зеленью, рубленным чесноком, репчатым луком и приправами. Готовить бешбармак я научился у своей мамы. Казахи в нашем доме были частыми гостями. Бешбармак берут только руками, отщипывают край лепёшки, кладут на него кусочек мяса и всё это отправляют в рот, запивая жирным обжигающим бульоном — шурпой.

— Вот уважил, — Иваныч, мужчина массивной комплекции, в предвкушении потирал руки.

— Но и мы не без подарка приехали, — сказал он с хитрым прищуром.

Пока я доставал из морозилки бутылку местной водки — арака, Юрок что-то искал в своей сумке. Наконец он достал пакет с какой-то травой.

— На, держи! — вручил его мне, довольный собой.

— Что это? — я недоверчиво, с осторожностью стал разворачивать пакет.

— Это черемша, или колба, как ее у нас иногда называют. Дикий чеснок. Растет он только в тайге. У меня теща решила на даче его посадить, чтобы лишний раз в тайгу не ходить. Так не принялся — завял! Землица ему нужна таежная, а иначе ни за что расти не будет.

Откровенно говоря, я не разделял Юриного восторга. Черемша с виду немного походила на листья щавеля, пахла она обычной травой, и что с ней было делать и какую из этого извлечь пользу, я не знал.

— У тебя сметана есть? — с такой же хитровой улыбкой спросил Юрок.

— Где-то была, — отозвался я и полез в холодильник.

В это время и Димон подросел из магазина и присоединился к нам.

Юрок же взялся за дело. Мелко порезав листья черемши, он смешал их со сметаной и солью.

¹ Апа — мама, бабушка, старшая сестра (чаще при обращении), форма обращения к старшей родственнице или старшей женщине.

— Попробуй, — сказал он, протягивая мне полную ложку готового салата.

И, чтобы навсегда избавить меня от сомнений, добавил:

— Закусь мировая!

Вкус был необычный, с терпкой приятной горчинкой.

Со второй ложки я полностью распробовал салат и навсегда влюбился в его непередаваемый таежный букет. Друзья так увлеклись черемшой, что, казалось, совсем забыли о моих восточных изысках.

Заметив на моем лице легкое недоумение, Юрок пояснил:

— А ведь черемшу еще называют у нас «луком победным» или «смерть гаишникам». Сейчас идет заготовка этого кладезя витаминов. Колбу маринуют и закатывают по банкам. Вонь в городе стоит чудовищная. Если сам колбу не ешь, в подъезд лучше не выходить.

— Это точно, — поддержал его Димка. — У нас некоторые дамочки из электрички высказывают, на работу опаздывают. Гаишники водил не трогают — колба напрочь запах водки отбивает.

К тому времени дело дошло и до моих угощений.

— Володя, а что у тебя со звонком? — вдруг вспомнил Юрок. — Провода отрезаны, что ли?

— Да, было дело, — замылся я, прикидывая, стоит ли рассказывать моим друзьям историю, выставляющую меня не в лучшем свете.

Но мою руку дразняще покалывала холодом покрытая тонким налетом ледка бутылка водки, а друзья уже приготовились слушать мою очередную веселую историю.

— Ладно, — сдася я, — расскажу.

Мы выпили, закусили.

— Дело в том, — начал я, — что недавно у меня гостил мой старый приятель из Караганды. Мы вместе с ним ходили в секцию плавания. Так вот выпито было прилично... И надо же было нам пойти в ночной клуб!.. Там еще добавили, полирнули сверху пивком, потом еще чего-то выпили. В общем, как добрался домой, я не помню. Приятель мой зацепился с какими-то девчонками и обещал приехать ко мне позже. Так вот просыпаюсь я от невероятной головной боли — такой, что аж в ушах звенит. За окном — ночь, в квартире везде горит свет. Я зову

приятеля — не отвечает. А голова вот-вот треснет. Не пойму, в чем дело, отчего такой звон стоит. Когда немного пришел в себя, догадался, что в голове так шуметь не должно — нечему. А в квартире присутствовал какой-то посторонний звук. Посмотрел по сторонам, сообразил — лампочка. Вот вы хихикаете, а у меня такой с бодуна кавардак в голове творился! Значит, выключил я свет в спальне, а звон все больше, я в гостиную — звенит подлюка по нарастающей, тут не выдержал, выбежал в коридор, открыл щиток и вырубил тумблер.

— И чё? — Оба Юрка, откинувшись на спинки стульев, заливались смехом. Димка, склонив голову до самой пиалы, всхлипывал.

— Ничё, — передразнил я Юру, — перестало звенеть.

— Ты бы еще лампочки выкрутил, — выдавил он, шарахнув в порыве веселья по столу широкой шахтерской ладонью. Посуда, чуть подпрыгнув на столе, звякнула.

С минуту я колебался, рассказывать историю дальше моим не в меру развеселившимся друзьям или нет. Но, успокоившись, они с серьезными лицами заявили, что готовы выслушать ее до конца. Хотя по бесовским искоркам в их глазах я понимал, что они насмешничают, но всё же продолжил, раз уж начал.

— Ты прав, Юра. Для чистоты эксперимента я и впрямь вывернул все лампочки в квартире, сложил их в прихожей и снова включил тумблер — света нет, а зазвенело так, что казалось, будто по всем этажам этот звон прокатился. И тут до меня дошло: что-то с входным звонком приключилось. Я — к нему. Точно! Сама пимпа вдавлена, а чтобы звонок не отключался, в зазор какой-то гад спичку воткнул. Я спичку вытащил, но края пимпы от долгой работы оплавившись, тут я ножом провод и резанул.

— И кто же это был? Какой-такой гад, ты выяснил? — спросил Димка после очередного приступа смеха.

— Приятель мой, конечно. Он с девчонками позже приехал. Я — в отключке. Он никак попасть не мог в квартиру. Вот и устроил мне этот ночной геморрой. Он-то потом к этим подругам поехал ночевать, говорит, кувыркался с ними всю ночь, а я вот — с лампочками... Чуть не убил его потом.

Насмеявшись вдоволь, мы продолжили нашу шумную трапезу.

Наверно, чтобы я, так насмешивший гостей своей историей, не чувствовал себя неловко, ребята рассказали мне, чем отличился сегодня утром Юрок-младший. Да я и вовсе не обиделся на них, ведь за всеми взаимными подтруниваниями стояла настоящая мужская дружба. Но послушать байки друзей я всегда люблю. У Юры Катаева (Иваныча) и Юры Манаенко всегда были в запасе истории, веселые и не очень, так как исколесили они Россию-матушку на своих джипах вдоль и поперек, а на дорогах, как вы понимаете, многое может произойти. В Советском Союзе довелось им испробовать нелегкого шахтерского хлеба. С начала девяностых, чтобы прокормить свои семьи, перегоняли они машины из Владивостока, а позже, открыв свою фирму, занялись черметом. В общем, были они самые что ни на есть настоящие российские мужики — и тяжелой работы не гнушались, и бандитам отпор дать могли.

В этот раз ничего особенного с ними не приключилось. Дорога была муторной и нудной. От скуки каждый из пассажиров манаенковского «Ниссан Патрала» рвался за баранку, но дотошный и требовательный, когда дело касалось автовождения, Юран каждый раз назидательно повторял:

— Надо ехать так, чтобы, проезжая, и тебя все видели, и ты бы всех заметил.

— И кто тебя здесь увидит? — обижался Катаев, демонстративно указывая рукой на прошлогоднее желто-коричневое грязное полотно казахской степи.

Едва скинув с себя снежное покрывало, степь еще не успела взорваться яркими весенними красками, но из-под выжженной прошлогодним солнцем степной травы уже проступали первые ростки нежно-зеленого цвета.

— Разве что эти... — с улыбкой добавил Иваныч.

Вдоль дороги, возле своих нор, словно часовые, замерли на своем посту разнокалиберные по росту и толщине мохнатые надолбы сусликов. Опустив вдоль туловища маленькие сухонькие лапки, поблескивая в лучах полуденного солнца черными бусинками глазок, поворотом одной только головы они внимательно провожали взглядом Юркин джип, словно ма-

ленькие гаишники, как будто только и ждали повода достать спрятанный под полой старомодной серой шинели полосатый жезл. Стоило машине проехать мимо, как какая-то неведомая сила тут же забивала их куда-то под землю, а впереди уже стояли новые столбики, будто протягивая между собой невидимые силки, призванные не пускать беспокойных чужестранцев в пробуждающиеся от зимней спячки, еще не набравшие силу степные травы.

Димка, хорошо знавший своего двоюродного брата, не вмешивался в споры и мирно дремал на заднем сиденье, подложив под голову походную подушку. Катаев же, наоборот, чтобы хоть как-то насолить своему строптивому корешу, периодически ввязывался в пустые споры — все веселее в дороге.

— Ну, сразу видно: по Казахстану едем, — сказал Манаенко, сбрасывая скорость.

Уставший от пустой болтовни и было задремавший Катаев сразу проснулся и протер глаза. Впереди молодой чабан гнал через дорогу на выпас отару баранов. Он ловко щелкал кнутом и понукал истощенных за зиму животных на своем родном тюркском наречии.

Тот, кто хоть раз слышал, как поют казахские акыны, никогда не забудет этого завораживающего действия. Сначала голос акына мягок и напевен, словно прилетевший с гор легкий прохладный ветерок, под которым сгибает свои пушистые кисти степной ковыль. Постепенно в бескрайних казахских просторах ветер набирает силу, и вот он уже играючи кидает на волны степного многотравья перекасти-поле. Голос акына становится резким, не теряя при этом своей напевности, а удары по струнам домбры — сильными и отрывистыми. И кажется тогда, что не акын это поет — дикий табун летит по степи, не домбра играет — горная река падает с круч Заилийского Алатау.

Юра подъехал совсем близко к отаре: рогатые и безрогие особи не обращали на него ни малейшего внимания.

— Вот уж точно бараны, — хихикнул он.

— Это почему же? — оживился Катаев.

— Только бараны вроде этих ходят за козлами, — ответил он, кивнув в сторону гордо шагающе-

го впереди и ведущего за собой отару бородатого большегого козла. И, видимо, для того чтобы раз и навсегда растолковать послушным агнцам, кто здесь царь природы, а кто шашлык, высунув из окна машины голову, он проблеял:

— Тенге-е-е-е!

Шедший мимо баран с впалыми боками, покрытыми клочьями линяющей шерсти, вдруг остановился, повернул в сторону Юрана свою баранью голову, гордо вскинул закрученные рога и приветственно ответил:

— Бе-е-е-е!

Всю оставшуюся дорогу Манаенко ехал, не проронив ни слова, терпеливо снося насмешки в свой адрес и его нового «друга», оставшегося пасть где-то далеко позади.

Насмеялись мы вволю, пока Юра излагал перипетии встречи в пути с той дружной компанией.

— Ты теперь шашлык ни-ни! — издевался Катаев. — Друзей не едят.

Юрка лишь молча улыбался, меняя на столе очередной опустевший бутылъ арака. Сколько ни бери — все равно второй раз бежать придется.

— А чего мне?.. — смущенно отвечал он. — Такого друга и съесть не жалко.

Как я ни сопротивлялся, но ребята послали гонца еще за одной. На все мои аргументы, мол, мне с утра за баранку, бывалые сибиряки указывали на оставленный специально для меня салат из таежной чудо-травы «смерть гаишникам». Угомонились мы далеко за полночь.

Утром, старательно разглаживая холодной водой мешки под глазами, я проклинал себя за вчерашнюю слабость. Конечно же, теперь на трезвую голову я понимал, что, попадись на моем пути сотрудник МАИ², мне несдобровать. Положив в карман твердую валюту, — Восток — дело тонкое! — я для очистки совести все же доел вчерашний салат. Заглянув напоследок в комнату, оставил на журнальном столике ключи от квартиры. Осмотрелся в полумраке: развалившись на кресле-диване, Иваныч в который раз включал пусковой механизм своего «трелевочника», сотрясая вокруг себя пропитанный перегаром воздух. Осторожно высунув голову из аквариума, на него испуганно смотрела водная черепашка Машка.

Уж если не везет, так с самого утра. Обычно в таких случаях говорят: «Я так и знал!» Планируя свой маршрут до места работы, я выбрал, казалось, самый хитрый и непредсказуемый для гаишников, в моем понимании, путь. И все-таки, вынырнув из арки какого-то дома, увидел поднятый вверх полосатый жезл и сопровождавшую этот для многих водителей роковой взмах самодовольную улыбку блюстителя правопорядка. Я коротко ругнулся и принял к обочине.

Каждый, кому коварная фортуна помогла приобрести новое ли, подержанное ли авто, моментально оказывается по одну сторону баррикады под названием «Командир, я здесь ни при чем!». Надо ли говорить, что по другую ее сторону грозно стоит хорошо организованная, дисциплинированная и в меру вежливая армия, встречающая словами: «Гражданин, предъявите ваши документы!»?.. Каждая из сторон откровенно недолюбливает друг друга, а в некоторых случаях для приличия даже ругает матом.

Попробуй какому-нибудь бедолаге, стоящему в душной, клокочущей страстями очереди, в окошко, куда он скоро просунет свои кровные в обмен на клочок бумаги с надписью «штраф», сказать: «А ведь сержант Иванов был прав — пешеход уже начал движение!» или «Ну и что, что снег на дороге. Куда же ты смотрел? Там отродясь сплошная была». В лучшем случае тебе в нецензурной форме объяснят, кто ты, из какой семьи родом и как далеко тебе идти к твоим таким же, как и ты, убогим родственникам. В худшем — можешь отвесть пролетарского кулака. Но самое странное в этой ситуации то, что под занавес обе стороны активно переползают с одной стороны укреплений на другую, а в узком кругу каждый готов похвастаться ценным знакомством во «вражеском стане». И если на большей территории СНГ правила игры понятны, то на Востоке в нее еще и вплетены тончайшие, почти невидимые, но архипрочные нити национального вопроса.

Каждый, кто побывал на Востоке, знает, что там с большим почтением относятся к своим родственникам, а в особенности — к старикам. Те, кто моложе, всегда слушают старших. Вы, например, не увидите, чтобы младший брат пил в присутствии старшего. И, понятное дело, ока-

² МАИ — то же, что ГАИ.

жись кто из родни в городе, да еще и на прибыльном месте, означает это только одно: несколько юрт в ауле утром недосчитаются, а по следам копыт нетрудно будет понять, куда держит путь родня осевшего недавно в городе джигита.

После волны эмиграции (иначе как «девятым валом» ее и не назовешь!), то есть в конце восьмидесятых — начале девяностых, некогда братские народы Советского Союза, поднимавшие казахстанскую целину, настроившие уйму заводов, шахт и металлургических комбинатов, хлынули в город. Городской вакуум начал всасывать в свои опустевшие недра давным-давно всеми забытых кочевников. Очарованные народным эпосом, в котором бедняк непременно брал верх над толстым баем, и слухами о легкой и богатой жизни, дети степей потянулись в города. А там все по-другому, по-настоящему, как у взрослых! Бай — он и в Африке бай. Хорошо, если родственники есть. Тогда у тебя хоть какой-то шанс оказаться на перекрестке двух дорог. Первая, как и в стародавние времена, оставшаяся в наследство еще от Жибек Жолы — Шелкового пути, ведет на рынок, другая — в органы милиции. Небольшие курсы русского языка типа «взлет — посадка» — и ты, перерожденный, в новенькой форме маленького начальника, поджидаешь в кустах водителя-простофилю. Вот я и вышел навстречу сияющему молоденькому сержанту, весь вид которого так и говорил: «Ну что — попался?!» Видимо, мое общее состояние и внешний вид ему предательски подсказывали: «Да, попался!» Документы мои он и смотреть не стал, а сразу перешел к делу:

— Информаций давай! — на ломаном русском сказал он, наградив меня улыбкой лукавого Хаджи Насреддина.

Понимая, о чем идет речь, я тем не менее включил, что называется, дурака.

— Так вон вся информация! — я указал на свои документы у него в руках.

Улыбка медленно сползла с его лица, не предвещая мне ничего хорошего. Он сличил фотографию на документах с моей физиономией. По его лицу угадывался глубокий психологический анализ моей личности. Моя ярко выраженная славянская внешность, наверно, говорила ему о том, что высокопоставленной родни в органах у меня скорее всего нет, а значит, драть с меня

можно три шкуры. Кроме того, купюры с ликом американского президента не были вложены в документы. Добавим к этому мой виноватый вид и отсутствие папки с рельефом крокодиловой кожи как признака власти...

Виновен! Еще раз пролистав документы (не упустил ли чего?), он посмотрел на меня. Насторожение у него явно ухудшилось.

— Я говорю: дыши воздух, нюхать информация арак буду!

Делать мне было нечего. Вся надежда была на волшебную русскую траву черемшу. В крайнем случае — на затаившегося в потайном кармане джинсов американского президента. Я набрал воздух в легкие и без утайки какой-либо информации выдохнул всё содержимое в лицо блюстителю порядка. На секунду житель степей остолбенел. Я понял: информация пошла. Было видно, как у него сначала спёрло дыхание, затем раскосые глаза сержанта открылись настолько, что преобразили его скуластое лицо в коренного жителя Рязанской области. Не зная, как дальше быть, и полагаясь лишь на провидение, я тоже замер. Со стороны, наверное, это выглядело, как если бы остановивший машину гаишник вдруг опешил, признав в водителе своего земляка — такого же, как и он, русского или, может, даже родственника. Вскоре гаишника отпустило и он, словно Золушка с двенадцатым ударом часов, мгновенно обрел свой привычный облик. Сержант молча вернул документы, с некоторой боязливостью посмотрел на меня.

— Мужчина! — на чистом русском с неподдельным уважением произнес он, крепко пожимая мне руку.

«Да... Сколько еще чудесных трав хранит в своих недрах наша матушка Россия!» — мысленно улыбнулся я, когда понял, что свободен.

Через пару поворотов я заколесил по центральной улице Алматы, раньше она была улицей Ленина, а теперь — великого казахского поэта, писателя и общественного деятеля Абая Кунанбаева. За окошком служебного «Мерседеса» мерно проплывали знакомые здания, некоторые из них сияли чистыми окнами и свежеевыкрашенными, будто выставленными напоказ, подновленными после грязной городской зимы фасадами.

Вдоль дороги работники коммунальной

службы в ярко-оранжевых жилетах с запоздалым усердием срезали ветки карагача и тополя с уже набухшими, дающими новую жизнь почками. «Вот всегда так у нас, — мрачно подумал я, — резать надо по живому...»

Через приоткрытые щели окон в салон машины влетала по-утреннему свежая прохлада начинающегося дня, неся отовсюду весеннюю музыку пробуждающегося ото сна города. Но даже ее веселый, жизнеутверждающий, долгожданный мотив не мог развеять моих тяжелых мыслей. И правда — отчего так у нас: резать надо по живому? И надо ли резать вообще?..

Я наматывал километры по центру города и вспоминал, как в 1986 году с высоты двадцать шестого этажа гостиницы «Казахстан» наблюдал быстро увеличивающееся обкуренное стадо молодчиков, которые громили всё на своём пути заранее кем-то заготовленными обрезками труб.

В памяти всплыл и вчерашний мужской разговор за столом...

— Чего они тогда полезли? Чем недовольны? — спрашивал меня захмелевший Иваныч.

— Бегали там одни... в галстуках, в пальто у памятника Абаю Кунанбаеву... Сначала водку сгружали с машин — спаивали толпу, потом привезли молодёжь на автобусах. Мне знакомый рассказывал: из каких-то общаг их собрали, все обкуренные. Избили его тогда за то, что русский. Козлы! — под конец не сдержался

я. — Мы с ребятами тогда в Алма-Ате на сборах были по плаванию.

— Тогда в кресло ЦК Казахстана русского посадили, вот казахи и взбунтовались. Кому-то «наверху» нужны были эти беспорядки, — мрачно добавил я.

— Теперь там сидят все казахи... Лучше от этого стало жить простому человеку, что ли? — пожал плечами Иваныч.

Долго мы ещё спорили, как так получилось, с каких времен повелось, что русский народ во всем виновен? Ведь всем миром строили города, фабрики, заводы. Один Байконур чего стоит! А теперь русские вроде иностранцев на своей земле...

Ночью, когда друзья уже давно уснули, мне долго не спалось. Я вылез из теплой постели и тихонько прошел в кухню. За окном было темно. В доме напротив кое-где ещё горели жёлтым глазницы окон таких же полуночников.

«А чья она теперь, земля эта?» — этот вопрос не давал мне покоя.

Казахов?.. Но ведь всё продано по частям, по кусочкам роздано: немцам, бельгийцам, англичанам, даже индийцы металлургический комбинат отхватили. Простым-то казахам сейчас лучше жить стало?.. Всё-таки не от хорошей жизни ранним воскресным утром на улицах появляются молочницы...

□

Владимир Геннадьевич СОФИЕНКО

родился в 1968 году в г. Темиртау (Казахстан).

Окончил Карельскую государственную педагогическую академию.

Психолог-тренер.

Пишет прозу.

Автор книг «Ожидание в 2000 лет»

и «Под солнцем цвета киновари».

Член Союза молодых писателей Карелии.

Живет в Петрозаводске.

В журнале «Север» публикуется впервые.

